

К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМОЛЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ. XX В.

Виктория БЕГУНОВА,
научный сотрудник
Смоленского государственного музея-заповедника

Российская революция 1917 г. внесла кардинальные изменения как в социально-политической жизни страны, так и в научной сфере. Несмотря на возникшие тяготы военного и революционного времени, создававшие серьёзные трудности для полноценных научных изысканий, в 1920-е гг. начался подъём краеведческого движения. Многие из исследователей в первое время входили в краеведческие объединения, спасавшие культурные ценности от полного уничтожения. Об одном из таких смоленских обществ, занимавшимся изучением и охраной памятников археологии, и пойдет речь.

Идея создания археологического общества в Смоленской губернии относится ещё к последней четверти XIX в. К этому времени подобные научные общества появляются не только в Петербурге и Москве, но и в провинциальных центрах Российской империи – Тифлисе, Казани, Пскове, Новгороде¹. Инициатором организации археологического общества в Смоленске и, видимо, главным разработчиком его проекта являлся преподаватель Смоленской мужской гимназии и краевед С.П. Писарев. При его непосредственном участии в Смоленске появился и первый историко-археологический музей. Сведения о планирующемся Обществе любителей археологии, истории и этнографии и стоящих перед ним научных и образовательных задачах встречаются в газетных публикациях конца XIX в.²

Вероятно, этот проект так и остался не осуществлённым на стадии разработки устава, так как дальнейшая судьба этого учреждения неизвестна. Но мы знаем о создании таких краеведческих организаций, как Смоленский церковно-археологический комитет, Смоленская учёная архивная комиссия, Общество изучения Смоленской губернии, которые в разной степени стали осуществлять цели, указанные в проекте планирующегося в начале 90-х гг. XIX в. общества.

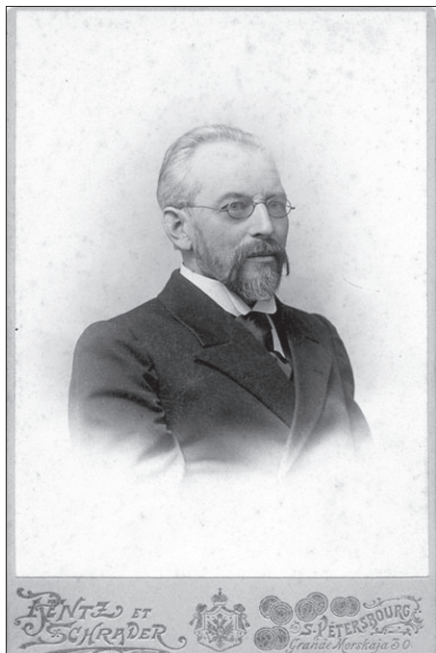
С наступлением 1918 г. на Смоленщине при новом государственном органе – отделе народного образования появился подотдел, основной задачей которого была охрана памятников искусства и старины³. Для её решения в уездах назначались уполномоченные лица (или хранители), обязанные следить за состоянием древностей. Постепенно на местах формировалась сеть музеев, а в них появлялись отделы археологии. Все археологические исследования также начинали строго контролироваться государством. В этот период продолжает начатые до революции изыскания С.М. Соколовский, назначенный хранителем древностей в Рославльском уезде. Землемер Л.С. Борейшо, окончивший курс археологии Смоленского отделения Московского археологического института и назначенный уполномоченным в Гжатский уезд, проводит небольшие исследования некоторых памятников на находившейся в его ведении территории. Но по-

добные сведения встречаются редко, так как в других уездах хранителями становились чаще всего люди, не имеющие специальной подготовки в области археологии.

В этот постреволюционный период составлением различных археологических проектов занималась Е.Н. Клетнова. До своего переезда в Смоленск Екатерина Николаевна была назначена хранителем древностей Вяземского уезда, Дорогобужского и Юхновского уездов «от умышленной порчи их раскопкой, распашкой, застройкой, разборкой и пр.»⁴. В 1919 г. она подала в Московский археологический институт докладную записку, содержащую развёрнутый план археологических работ на Смоленщине⁵.

В феврале 1920 г. на губернской музейной конференции в Смоленске, на которой предполагалось разработать направления деятельности музеев, проведение исследований признали несвоевременным. Но к тому времени особенно остро назрела необходимость учёта и регистрации «памятников доисторического быта»⁶. Организация этого дела была поручена губернскому археологическому бюро. Оно возникло при содействии Клетновой, которая обратилась в Смоленский губподотдел изобразительных искусств и музеев о необходимости его создания⁷. 3 мая 1920 г. на заседании коллегии подотдела она прочитала доклад на эту тему⁸.

Первоначально общество было малочисленным и состояло всего из трёх человек. С самого момента существования его бессменным председателем являлась Е.Н. Клетнова, а постоянными участниками – Л.Я. Лавровский и И.Ф. Барщевский. На некоторых первых собраниях присутствовал и ведущий выше названным подотделом С.Д. Ширяев. Клетнова в это время также участвовала в разработке программы экскурсий в Губернском экскурсионном бюро, которое находилось в ведении губподотдела.

И.Ф. Барцевский. Конец 1890-х гг.

17 мая 1920 г. состоялось первое заседание Археологического бюро подотдела изобразительных искусств и музеев. Для решения проблемы сохранения памятников Смоленской губернии Клетнова подготовила проект «способов охраны археологических памятников и их научного обследования». Все древности согласно программе необходимо было передать государству. Только с его помощью они могли должным образом охраняться и в дальнейшем стать доступными как для учёных, так и широких масс населения. Археологических раскопок в первое время членами бюро не проводилось. По плану решено было ограничиться только вынужденными работами, в случае если требовалось снести памятник для государственных и сельскохозяйственных нужд, порчи или разграбления его кладоискателями (*приложение I*)⁹. Регистрация археологических памятников Смоленской губернии была возложена также на Клетнову.

В первое время всё внимание было направлено на сохранение уже довольно известного к тому времени Гнёздовского могильника. От Археологического бюро требовалось, прежде всего, осматривать памятник, проводить разъ-

яснительную работу с населением и рассказывать о его исторической ценности. Информированием жителей занимались Клетнова и Лавровский.

После поездки археологов в Гнёздово 31 мая 1920 г. и проведенной беседы с местным населением крестьяне пообещали не возводить своих построек на курганной площадке и, по возможности, не допускать здесь производства грабительских ненаучных раскопок. Были осмотрены курганы, видимо, Лесной группы и Центральное городище. Представители бюро обратили внимание и на городище, расположенное юго-западнее Гнёздова (в 3-х верстах), при впадении р. Ольшанки в Днепр (*приложение II*). Ввиду позднего времени было решено отложить осмотр западных групп могильника с городищем до следующего посещения памятника. По мнению исследователей, подробное изучение Ольшанского городища и расположенных рядом курганов, которые могли оказаться древнее уже известных, стало бы очень продуктивным. Решено было произвести обмеры памятника, а также раскопки при благоприятных обстоятельствах¹⁰. Но на тот момент ни о каких крупных археологических работах не могло быть речи. И хотя Клетнова предложила также дообследовать Гнёздовские курганы из Лесной группы, разрушенные застройкой и кладоискателями, раскопки не состоялись из-за отсутствия открытого листа от Российской академии истории материальной культуры¹¹ (далее – РАИМК¹²).

Возникла необходимость топографической съемки обширного могильника, без которой был немислим учёт курганов¹³. Нанесение насыпей на план показало бы, какие из них утрачены для науки и что удалось уберечь. Эту работу вызвался произвести В.П. Рогов в августе 1920 г. Бюро составило смету на топографическую съемку и передала её через подотдел в РАИМК, но ответа от последней

так и не последовало¹⁴. Видимо, на какое-то время данное мероприятие пришлось отложить.

Судьба этого важного памятника не переставала волновать смоленских исследователей. При каждом его посещении они замечали, что тот неизбежно подвергается разрушению. Клетнова предложила «некоторую часть могильника» сделать «заповедной», на которой не допускалась бы рубка леса и постройка новых сооружений. Этот участок, по её мнению, мог бы стать показательным «для характеристики курганных погребений Гнёздовского типа»¹⁵.

В июле 1920 г. удалось обследовать памятник на р. Ольше. О том, что это «типичное» городище, Лавровский и Клетнова сделали вывод на основе внешнего устройства и очертаний земляной насыпи, а также по найденной здесь древней керамике и шиферным пряслицам¹⁶. Исследователями были определены его ориентация и размеры. Они отметили наличие вала и рва с северной и северо-восточной сторон. По форме насыпь представляла «сегмент с несколько закруглёнными боковыми линиями». Все находки с площадки городища были переданы в Смоленский музей (*приложение III*).

Бюро не могло также произвести раскопки по приглашению других уездных организаций, разрешение на которые было выдано только в октябре, когда погодные условия значительно ухудшились. Но некоторые местные краеведческие общества, несмотря на отсутствие открытого листа, производили самовольные раскопки. Так произошло в случае с Ельнинским «кружком». С 29 мая по 6 июня Ельнинская секция по делам музеев раскопала ряд курганных насыпей в с. Арнишицы¹⁷, д. Каменка (Пятковка)¹⁸, урочище Козловка¹⁹, т.н. «Гостинная могила» (Всходы, совр. Угранский район). В результате осмотра они установили, что в первом пункте 4 кургана из 12 были попорчены окончательно, в Пятковке все 7, в Козловске 1 ока-

зался разрыт и расхищен. В первых двух была проведена проверочная раскопка. В Пятковке курганы оказались пустыми, а Арнишицах 4 кургана дали «костяки и бронзовые вещи». Ельнинцы просили выслать специалиста для дальнейших исследований. Члены бюро были настроены на продолжение работ, если им предоставят материалы раскопок с подробным описанием. Но, видимо, этого не было сделано, и дальнейшие исследования в Ельнинском уезде были прекращены.

Подобные известия приходили и из других мест. Клетнова сообщает о том, что в Гжатском уезде любители древностей «не прочь поковырять курганы ради собственного удовольствия»²⁰. Смоленское археологическое учреждение считало необходимым запретить подобное своеволие и проведение раскопок, не соответствующих всем требованиям.

Вторым по значимости памятником после гнёздовского, требующим охраны, являлась территория Смядыни с древними руинами церквей. Об их продолжающемся разрушении на одном из заседаний сообщила Клетнова. Но этот вопрос удалось решить довольно быстро благодаря помощи местного жителя, который сам предложил свою помощь в охране развалин²¹.

Проблема сохранения памятников существовала также и в Рославльском уезде. Для решения вопроса о запрете самовольных раскопок в Смоленск приехал местный хранитель древностей С.М. Соколовский. Бюро обещало предпринять какие-либо меры, но на первых порах ничего не могло с этим сделать. На предложение Соколовского о найме школьного работника в качестве охранителя курганов и могильников в Рославльском уезде оно ответило отказом, так как отсутствовали средства на содержание проектируемой должности²².

Наличие в Смоленской губернии большого количества незарегистрированных памятников порождало проблему их охраны. Могли раз-

рушаться не только уже известные, но и многочисленные памятники, о которых ещё не было сведений. Представители бюро понимали, что известия о самовольных раскопках будут приходить всё чаще, памятники будут подвергаться расхищению. Необходимо было срочно предпринимать какие-то серьёзные меры. Для учёта древностей в уездный отдел народного образования и разным лицам было решено отправить анкеты. Они содержали вопросы о наличии на местах различных археологических памятников и артефактов. Но из-за отсутствия денежных и рабочих средств так и не удалось их распечатать и разослать²³.

Выяснение количества доисторических памятников в губернии необходимо было также для собирания материала к археологической карте Смоленской губернии. Видимо, значительная работа в этом направлении уже была проведена Архивной комиссией до революции²⁴. Участники бюро продолжили собирать сведения о разнообразных древностях на Смоленщине, которые могли представлять хотя бы малейший интерес. Встречались и сведения о довольно редких и загадочных артефактах. Так, Соколовским было сделано сообщение о находке между Рославлем и д. Азобичи камня с рельефным изображением змеи, что могло указывать на существование здесь «змеиного культа»²⁵. Также в Рославльском уезде была обнаружена урна с руническими надписями, которую музей передал в бюро для расшифровки. Лавровский прочёл надписи на урне и определил её принадлежность «погребальному индейскому [так!] обряду»²⁶.

Для популяризации археологических исследований и просвещения широких масс населения членами бюро, являвшимися одновременно и профессорами, читались также лекции в различных учебных заведениях. Клетнова в это время работала на кафедре краеведения и истории первобытной культуры Смоленского инсти-

тута народного образования, Барщевский – на кафедре археологии Смоленского государственного университета, Лавровский – кафедре истории культуры Смоленского политехникума²⁷. Кроме того, стало известно об интересующихся археологией на кооперативных курсах. От одного слушателя поступили сведения о курганах на р. Царевич в Духовщинском уезде. После этого возникла идея за символическую плату найти людей, которые будут собирать сведения о местной старине по первобытной археологии, остатках старинных зданий и сооружений. Разрабатывался проект опросного листа для местного населения, который сохранился в архиве Клетновой, но, вероятно, из-за недостаточного числа людей, взявших бы на себя обязанность по собиранию подобной информации, этот план также пришлось оставить²⁸.

Несмотря на сложное послереволюционное время, бюро должно существовать благодаря энтузиазму некоторых местных исследователей, которые начали свой путь в археологии ещё до революции. Не хватало даже научной печатной литературы, поэтому приходилось обращаться к столичным археологическим учреждениям с просьбой их присылки. Об основных направлениях своей деятельности новое археологическое общество оповещало музейную секцию и РАИМК в виде отчёта, составление которого также поручалось его председателю – Клетновой (*приложение IV*).

В апреле 1921 г. в связи с реорганизацией музейной секции художественного подотдела и образованием Губмузея в составе новой организации возникла археологическая секция, заведующей которой была назначена снова Клетнова, а Лавровский и Барщевский получили должности археологов-консультантов²⁹. Одновременно эти исследователи продолжали устраивать собрания Археологического бюро и не оставляли надежды на появление большего числа лю-

дей, интересующихся археологией. Последние могли бы собирать сведения о памятниках на местах и передавать их в бюро³⁰. После повторной просьбы Соколовского в Рославльском уезде был назначен агент, следивший за состоянием памятников.

Работа по распространению анкет для собирания краеведческого материала, в том числе и об археологических древностях, была возложена на Общество изучения Смоленской губернии³¹. Все материалы должны были поступать в бюро. Некоторые из них слушались на заседании. Так, П.С. Цветков предоставил некоторые данные о доисторических памятниках Духовщинского и Бельского уездов³².

Клетнова решала также вопрос систематизации и метода хранения археологических материалов. Она предложила установить ящик, в котором располагались бы карточки (1/16 доли листа) с записями на них сведений об отдельных памятниках. Эти данные могли поступать как от членов бюро, так и от посторонних лиц. Материал для удобства предлагалось разбивать на две категории: сведения устные и поступающие из печати³³.

Археологическое бюро с недоверием продолжало относиться к раскопкам на местах. На просьбу Соколовского разрешить ему исследования в Рославльском уезде оно ответило отказом и предложило ограничиться разведками³⁴. Тем не менее, исследователь продолжил раскопки, получив открытый лист через Главнауку³⁵.

Представители Археологического бюро предпринимали попытки провести более значительные исследования. В мае 1921 г. был составлен план работ на предстоящий сезон «в виде курганных раскопок, исследований поврежденных разрытых памятников, обследование городищ»³⁶. Клетновой был составлен список памятников на территории Смоленска, требующих изучения. Он включал следующие пункты: «1) Гнёздовский могильник с 2 городищами,

2) левобережная группа курганов в Гнёздово, 3) развалины 2-х храмов на Смядыни, 4) место Спасского монастыря в Чернушках, 5) развалины храма Екатерины 12 в. на Крупощице, 6) Троицкого монастыря, 7) неизвестные развалины во владении Хозеровых, 8) остаток каземата и подземелий в Лопатинском саду; 9) остаток храма в конце Богословской ул. во владении Шебеко, 10) неизвестные развалины близ Пятницкого ручья во владении Энгельгардта; 11) Духовского монастыря по левому берегу Днепра, 12) исследование Садков»³⁷. Желательным признавалось проведение раскопок Ольшанского городища и примыкающих к нему курганов.

По мнению Клетновой, без внимания не должны были остаться и окрестности города. Отмечалось, что исследования пойдут «расширяющимися радиусами вокруг Смоленска». Среди памятников, на которые нужно обратить наибольшее внимание, упоминались: городище с. Богородицкое, курганы в Талашкино, «большой курган» в дер. Ясенной и около с. Печерского³⁸. О первом ранее сообщил Барщевский, указав, что городище находится недалеко от пещеры, по преданию имеющей отношение к преподобному Авраамиию. Работы на Ольшанском городище предполагалось провести в июне 1921 г., но их снова пришлось отложить из-за отсутствия на это средств. Личный осмотр уже известных курганов близ с. Молькова провел Лавровский, специально командированный для обследования курганной группы. По его сведениям, там сохранилось «2 больших и 12 мелких оплывших кургана»³⁹. Эти памятники были известны уже со второй четверти XIX в. В 1881 г. в с. Молькове проводил исследование сотрудник Исторического музея в Москве – В.И. Сизов⁴⁰. Описание раскопок нескольких курганов встречается в заметках местного краеведа С.П. Писарева⁴¹.

В это время вновь остро встал вопрос охраны Гнёздовских кур-

ганов. Крестьяне угрожали занять участок земли, но перед этим скрыть имеющиеся на нём курганы, если археологические работы не будут проведены в указанный срок⁴². Но и на этот раз исследования пришлось отложить из-за отсутствия средств. Вероятно, с этого момента становится понятно, что необходимы более решительные действия в деле охраны памятника. 22 июня 1921 г. Клетнова созвала экстренное совещание с целью подачи заявления в Губземотдел о немедленном выделении площади с курганами и городищем и обращении их в «Заповедник»⁴³ (приложение V). В августе этого же года во время экскурсии Лавровским и Клетновой снова было замечено, что вырубка лесов и самовольная застройка продолжают. Было принято решение о подаче заявления в губисполком о запрещении этих мероприятий. Предстояло ещё долго добиваться разрешения этой проблемы.

На заседаниях бюро по инициативе Клетновой рассматривались вопросы охраны природных богатств края, которые были важны не менее, чем памятники истории⁴⁴ (приложение VI). Её доклад был передан на рассмотрение в Музейное управление.

Постепенно функции бюро перешли археологическому обществу. Его торжественное открытие состоялось 2 февраля 1922 г. в Смоленском государственном университете. Видимо, только с этого момента общество обретает помещение для проведения собраний. И снова председателем была избрана единогласно Клетнова, а на должность вице-председателя – Л.Я. Лавровский, казначея – И.Ф. Барщевский, секретаря – С.Д. Ширяев, а библиотекаря – А.П. Серебренников.

В этом году состав участников собраний общества значительно пополнился. Среди новых представителей постепенно стали появляться лица, недавно закончившие или проходившие обучение в Смоленском отделении

Московского археологического института. На заседаниях теперь присутствовали А.Н. Лявданский, Т.М. Крыжановский, Муравьев, Н.М. Никольский, А.Ф. Палашенков, В.И. Мушкетов, В.Р. Тарасенко и др. В связи с появлением молодых, начинающих исследователей произошло некоторое оживление в работе общества.

На первом собрании доклад Клетновой «Археологические изыскания, раскопки и работы по Смоленской губернии» содержал историографический обзор изучения смоленских древностей. Сообщалось и о последних археологических исследованиях на Смоленщине. Так, Ширяев предоставил сведения о раскопках В.А. Городцова на р. Протве на границе Смоленской губернии. Обнаруженные находки свидетельствовали о поселениях в этой местности голяди. Эти работы должны были продолжиться и в текущем году. Кроме того, летом 1921 г. учителя Юхновского уезда «возле Климова завода» произвели раскопки, вещи из которых поместили в местной школе. Но музейному управлению не удалось собрать о них никаких сведений. Сообщалось и о продолжающихся раскопках в Дорогобужском уезде назначенного уполномоченным Смоленского губмузея Н.И. Савина⁴⁵.

Важным был вопрос денежного содержания общества. С момента его создания действовала форма добровольного привлечения средств на поддержание его деятельности. Если первоначально было установлено самообложение в размере 10 тыс. руб. (на февраль-март 1922 г.), то постепенно члены общества стали отказываться от этого принципа, так как могли быть другие, более выгодные источники дохода: организация выставок, лекций, сбор в пользу общества после лекций. Кроме того, они допускали возможность сдачи крестьянских лугов в даче Гнёздовского могильника, а также под выпас скота. Клетнова первой высказала

желание прочитать лекцию «с диалогическими» о Гнёздовском могильнике⁴⁶.

По-прежнему одной из главных задач общества было выяснение наличия различных археологических памятников в губернии. Ничего не было известно о палеолитических стоянках на Смоленщине. Но встречались находки костей вымерших животных. Так, Лявданский обнаружил их в Гжатском уезде, а Клетнова – под с. Сережань Вяземского уезда⁴⁷. Собирались сведения и о находках денежных кладов. Один из них был обнаружен на Днепре. Предоставивший эти данные художник Мушкетов, присутствовавший на заседаниях общества, среди находок отметил «бочонок с монетами».

Для более успешного собирания информации о памятниках Екатериной Николаевной были отправлены анкеты слушателям кооперативных курсов Рославльского, Бельского, Гжатского уездов, местечка Рудня (?), а также студенту Агейчику, видимо, особенно заинтересовавшимся этим мероприятием. Предполагалось собрать материалы для археологической карты Смоленской губернии. Примером могла послужить составленная на тот момент карта Соколовского. Но по утверждению Городцова она имела ряд недостатков, хотя и не столь значительных. Клетнова же признала эту работу особенно ценной, указывая, что всё же она дает точную отметку памятников археологии⁴⁸. Постепенно организация этого вопроса и собирание сведений об археологических древностях Смоленщины переходит в руки молодого и энергичного археолога Лявданского. Видимо, уже с его участием составляется и вскоре печатается в издании ГубОНО новый подробный перечень возможных памятников, которые могли быть интересны для археологов, и вопросы для их описания⁴⁹.

Похоже, сведения о древностях поступали от местного населения

довольно редко. К тому же, как правило, они содержали много легенд. Так, житель деревни Горюк (находилась между селом Приселье Духовщинского уезда и железнодорожной станцией Кардымово) Е.С. Федоров утверждал, что недалеко от села находится «гора», которая поросла непролазным лесом, а вершина его лысая, и там стоит огромный муравейник». Про эту гору говорят, будто бы в ней заключается клад. Каждый нуждающийся может рыть гору и взять столько, сколько ему нужно денег, но с тем, чтобы в срок их возвратить; не возвратившему грозит несчастье⁵⁰. Конечно, эти выдуманные истории могли не подтвердиться, но и они учитывались и проверялись на месте представителями общества.

Местом хранения археологических объектов должен был стать Музей старого Смоленска при Музейном управлении с археологическим отделом. Туда могли быть направлены все археологические коллекции, находящиеся прежде в естественно-историческом музее⁵¹. Постановление об образовании данного музея на базе историко-археологического и историко-этнографического вышло в сентябре 1921 г. А в феврале 1922 г. Ширяев уже составил план отделов музея, среди которых отдельными пунктами были отмечены «каменный век и курганный период в памятниках Смоленска и Гнёздова» и отдел «архитектурных исследований». Хранителями музея становились Палашенков и Лавровский⁵².

Для решения вопроса об отграничении Гнёздовского могильника решено было передать в Музейное управление здание с усадьбой бывшей почтовой станции на Витебском шоссе. Здесь планировалось устроить экскурсионную базу с созданием музея, посвященного этому памятнику. Кроме того, на этой базе мог возникнуть и загородный ресторан для туристов, как это существовало во Франции при знамени-

той пещере Барма Гранд⁵³. В доме Василевского на Смыдыни также решено было организовать экскурсионную базу. В мае 1922 г. Клетнова снова посетила Гнёздовский могильник и не могла не заметить, что памятник находится в плачевном состоянии. Необходимо было срочно признать заповедником «сердцевину» Гнёздовского могильника с центральным городищем и курганами, а также Лесную группу курганов, Ольшанское городище, курганы за р. Ольшей, «курганый луг» на левом берегу Днепра, Марьино⁵⁴.

Клетнова также сообщила об обнаружении в $\frac{3}{4}$ версты от Гнёздова двух курганов, отличавшихся от других, «плосковатых, расплывчатых». Как она предполагала, здесь можно было найти что-то особенное. Рядом с ними располагалась площадка, схожая с Люцинским могильником⁵⁵, что позволило сделать предположение о скрытых здесь финских древностях. На основе этого сообщения решено было произвести в ближайшее время раскопки⁵⁶.

Лявданский особенно приветствовал намерение Клетновой, так как у многих молодых людей, которые закончили обучение в Московском археологическом институте, появилось огромное желание принять участие в практических исследованиях по археологии. Являясь преемником Археологического бюро общества наделялось правом производства раскопок. Видимо, было получено разрешение и от Академии материальной культуры.

Весной было осмотрено Ольшанское городище и сделаны некоторые выводы о культурном слое, в результате зачистки его западного ската, размываемого половодьем⁵⁷.

Состоявшееся 23 июня 1922 г. собрание было посвящено первым крупным раскопкам, произведенным представителями общества. Лявданский доложил о раскопках 6 курганов в Гнёздове под руководством Клетновой.

Курган №1 находится в стороне и, как предположили изначально, должен был отличаться от курганов Центрального могильника. Но исследователей постигло разочарование: в «зольном слое» был найден только «один архаический черепок с примесью кварца». Клетнова сделала заключение, что курган кенотафный⁵⁸.

Интересные результаты принесли раскопки Заольшанской и, вероятно, Нивлянской курганных групп, впервые открытых Лявданским⁵⁹. Во всех курганах был прослежен «похоронный обряд полного трупосожжения»⁶⁰. Очень много споров вызвала погребальная урна, изготовленная из белой глины. Как предположили, она могла быть привезена со стороны, что являлось необычным для данного памятника явлением.

Но Лявданский не ограничился только этими исследованиями. При внимательном осмотре местности он открыл второе городище на р. Ольше⁶¹, окруженное рядом курганов. В результате было решено приступить и к его раскопке, но прежде произвести обмеры и снять на план⁶².

В этот период производятся и другие небольшие исследования. Молодые археологи всё больше начинают обращать внимание на укрепленные поселения. Так, В.П. Рогов осмотрел городище в Духовщинском уезде на р. Прость. Он отметил, что оно довольно оригинальное, так как находится на значительном удалении от рек. А.П. Серебренникову удалось собрать материал о городищах в Ельнинском уезде, Дергачеву – в Смоленском уезде Хохловской волости⁶³.

Некоторые задумки представителей общества успели осуществиться. Так, при университете открылось экскурсионное бюро, в которое входили А.И. Давыдов, В.Ф. Миллер и Е.Н. Клетнова⁶⁴. Другим крупным замыслам так и не суждено было сбыться. По словам Ширяева, в имении Алексина планировалось организовать «Дом

ученых», известие об открытии которого многие встретили с особым воодушевлением⁶⁵.

Ещё более знаковым событием должно было стать проведение Всероссийского археологического съезда в Смоленске, о чём было объявлено на одном из последних заседаний общества 15 сентября 1922 г. (*приложение VII*)⁶⁶. Возможно, это касалось ещё дореволюционных планов о XVII съезде «в одном из городов западной России». После окончательной ликвидации Московского археологического общества, заведовавшего организацией этого мероприятия, были сделаны попытки провести его на «новой организационной базе» и в других городах. Всесоюзный съезд готовился все 20-е гг., но так и не состоялся⁶⁷. Это важное событие, которое могло собрать специалистов в области археологии, имело бы огромное значение для Смоленска⁶⁸.

Несмотря на грандиозные планы, дальнейшие сообщения об археологическом обществе обрываются. Вероятно, как и некоторые другие организации, оно прекращает свою деятельность из-за неудавшейся перерегистрации⁶⁹. Но, возможно, спустя некоторое время возрождается и именуется уже как «Общество Древностей при Смоленском государственном университете».

По-разному складываются судьбы людей, которых в годы его существования объединяло общее дело. В результате длительной подготовки планировавшийся музей «Старого Смоленска» открылся в октябре 1923 г., получив наименование Музея искусств и древностей. Но сразу же был закрыт, что послужило причиной увольнения Лавровского, известий о котором в дальнейшем не встречается. Клетнова, самая активная участница археологического общества, какое-то время ещё продолжала прежние начинания. Известно, что благодаря её стараниям в 1923 г. удалось добиться принятия постановления о взятии некоторых

смоленских памятников на учёт губернским исполнительным комитетом и установить тем самым их должную охрану⁷⁰. В этом году встречаются сведения об организации экскурсий для рабочих, возможно, на базе созданного экскурсионного бюро⁷¹. Но археологических исследований она больше не проводит по причине запрета на выдачу открытого листа и в 1924 г. уезжает в заграничную командировку, которая обернулась эмиграцией.

Археологическое общество было создано в переломный момент и на какое-то время смогло объединить опытных исследователей и тех, кто только начинал свой путь в археологии. Во второй половине 20-х гг. молодыми участниками общества проводятся совместные археологические изыскания и совершаются важные открытия, отмеченные в публикациях А.Н. Лявданского и В.Р. Тарасенко⁷².

В 1925 г. Тарасенко, предпринимая самостоятельные исследования, представляется в письме в РАИМК уже как бывший член археологического общества и интересуется, есть ли возможность его возродить⁷³. Мы также знаем, что в марте 1926 г. возникло Смоленское общество краеведения, которое объединило всех исследователей Смоленского края, в том числе и местных археологов. Но на рубеже 1920-1930-х гг. они по разным причинам продолжили научные изыскания уже за пределами Смоленщины⁷⁴.

В 1929 г., ставшим «годом великого перелома», краеведческое движение подверглось преследованиям со стороны власти. Закрывание «самовольно возникших организаций» происходило на территории всей страны. «Начатые кампании задевали буквально всех. Наивно было бы представлять себе маленький археологический мирок как некое эльдорадо, где на фоне всеобщих катаклизмов жилось хорошо и интересно»⁷⁵. Смоленск не стал исключением.

Приложение

I.

Докладная записка Е.Н. Клетновой с проектом способов охраны археологических памятников и их научного обследования на заседании Археологического бюро подотдела изобразительных искусств и музеев 17 мая 1920 г. (Протокол №1).

Слушали: 1) Докладную записку Е.Н. Клетновой с проектом способов охраны археологических памятников и их научного обследования следующего содержания:

а) Все памятники древности с необходимой для них земельной территорией должны быть признаны государственной собственностью, и как таковые, они должны быть строго охраняемы.

б) Археологическому бюро вменяется в обязанность немедленно зарегистрировать их.

в) Все таковые памятники должны быть сделаны доступными широким массам для обозрения, а научным лицам для изучения.

г) В данное время каждый как либо самовольно или случайно нарушенный памятник должен быть немедленно научно доследован.

е) Все памятники, подлежащие уничтожению для государственных и хозяйственных надобностей, должны быть ранее вскрыты и всесторонне научно исследованы.

Постановили: Проект Е.Н. Клетновой принять к сведению, исключив из пункта а) проекта слова об отчуждении земельной территории, и оповестить широкие круги населения Смоленской губернии об открытии Археологического бюро при подотделе и о тех мерах, какие Бюро намерено принять к охранению археологических памятников. Одновременно известить об открытии Археологического бюро Академию ис-

тории материальной культуры в гор. Петрограде.

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

II.

Доклад Е.Н. Клетновой о поездке в Гнездово 31 мая 1920 г.

Исполняя постановление Археологического бюро о необходимости обследования Гнездовского могильника и выяснения способов его охраны, была предпринята поездка туда членами бюро Е.Н. Клетновой и Л.Я. Лавровским.

Пристав на пароходе близ Гнездова, направились в деревню, где просили созвать сход, что и было исполнено очень охотно бывшими на улице гражданами. Сказавши короткое слово о важном значении могильника, известного даже и за границей, о хищениях и разрушениях, которым по неосведомленности обывателей подвергаются всякие культурные ценности, просили граждан совместными усилиями охранять могильник от всяких самочинных разрушений и выяснить те реальные пути, какие представляются для организации такой охраны.

Предложение это было встречено крайне сочувственно, причем при обмене мнений выяснилась необходимость найма 2-х сторожей из местных граждан, на обязанности коих будет лежать: 1) Обход могильника для наблюдения за целостью земляных сооружений. 2) Не менее одного раза в месяц их поездок в Смоленск для доклада Археологическому бюро о состоянии могильника. 3) Экстренные сообщения в случае какого-либо происшествия, послужившего к разрушению могильных насыпей, как то: самочинные раскопки, разрушение курганов при буреломе, т.к. они по [ольшей] ч[асти] поросли густыми соснами и т. под.

Кроме того, гражданам было разъяснено и вполне ими понята обязательность извещать всякий

Гнездовские курганы. 1901 г.

раз Бюро о необходимости для неотложных хозяйственных надобностей нарушить какую-либо могильную насыпь, дабы она могла быть сперва научно исследована, раскопана и запротоколирована.

Далее были собраны сведения о известковых ломках, помещавшихся в самом центре Лесного могильника. Относительно их выявлено, что оба завода – Васильева, а также местного гражданина Ильи Никитина в данное время бездействуют, ломка и вывоз известкового камня, а поэтому и разрушение курганов прекращены вот уже 3-й год.

Покончив на этом беседе, был предпринят обход прилегающей к деревне части Лесного могильника, включающего и вышеупомянутые известковые ломки.

Осмотр ломок, также и места самого завода (ряда обжигательных печей примитивного устройства) вполне подтвердили заявление граждан о давнем прекращении там всякой работы. Что же касается общего состояния могильника, особенно в полосе деревенских усадеб, то он, по-видимому, продолжает постоянно разрушаться воздвигаемыми новыми сельскохозяйственными стройками, которые переносятся на другое против прежнего место по случаю бывшего там недавно большого пожара, уничтожившего несколько изб и много овинов. Таких новыхстроек нами было засчитано свыше десят-

ка, причем одна стройка врезалась нередко в 2 и 3 кургана.

В нескольких курганах замечены, кроме того, свежие, как бы пробные траншейки сбоку или яма на вершине – очевидно попытки кладоискателей найти «золотого барана», о котором упорно бытует легенда среди гнездовцев.

Прорезанные стройками, а равно и начатые раскапываться курганы необходимо должны быть доследованы немедленно, иначе они будут, как великое множество подобных насыпей, навсегда потеряны для науки.

Окончив осмотр, прошли на городище (где был найден знаменитый Гнездовский клад), путь к которому лежал через усадьбу мелкого владельца Евген[ия] Григор[ьевича] Васильева. Он любезно проводил нас к городищу, делаясь своими воспоминаниями о производившихся здесь раскопках Сизовым, Сергеевым и другими, о разных находках, сделанных при раскопках и вообще на территории могильника. Находя все эти сведения крайне ценными, особенно ввиду сделанных Васильевым некоторых новых указаний, напр. о находке Сергеевым бронзовой вазы, украшенной рельефным орнаментом, и т.д., мы просили его письменно изложить все подобные воспоминания и представить их в Бюро, каковое, конечно, оплатит ему его труд.

Тогда же явилась мысль предложить этой живой летописи исследований Гнездовского могильника принять на себя должность его хранителя, о чем он обещал подумать.

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 67. Л. 1-2 об.

III.

Обследование Ольшанского городища

Доклад на заседании Археологического бюро 13 июля [правильно – августа] 1920 г. (Протокол №9)

Слушали: доклад членов Бюро – Е.Н. Клетновой и Л.Я. Лавровского по обследованию ими Ольшанского городища следующего содержания:

Согласно постановлению Бюро, члены его: Е.Н. Клетнова и Л.Я. Лавровский 16-го сего июля ездили в д. Гнездово для обследования Ольшанского городища. Означенное городище отстоит от д. Гнездово на 3 версты по направлению на юго-запад и расположено на берегу р. Днепра, в углу, который образуется при впадении р. Ольшанки в Днепр. Произведенные промеры городища в разных направлениях определили как его ориентацию, так и размеры. Оно ориентировано, заканчиваясь острым мысом, с севера на юг; мыс этот спускается двумя уступами к устью р. Ольшанки, при ее впадении в р. Днепр; высота его по откосу 16 сажений. Длина городища по диагонали с севера на юг до указанного мыса 245 аршин. Окружность городища 635 арш[ин]. На протяжении 230 арш[ин] городище окружено валом, средняя высота которого $3\frac{1}{4}$ арш[ин], наименьшая высота его на западной стороне. С северной и северо-восточной стороны за валом виден неглубокий ров, толщина вала в его основании – 6 сажений. От уровня р. Днепра городище возвышается по вертикальной линии на 7 сажений. Форма его представляет собой сегмент

с несколько закругленными боковыми линиями. Как по устройству, так по своим очертаниям указанная площадь есть типичное городище, доказательством чего служат найденные в разных местах его глиняные черепки и шиферная пряслица, найденная в валу. Список этих находок прилагается при сем докладе.

Постановили: доклад принять к сведению, а черепки и пряслица сдать в Смоленский государственный музей.

Доклад Е.Н. Клетновой об осмотре

Ольшанского городища

Осмотр городища обнаружил давнюю его неприкосновенность, кроме, конечно, не менее давней распашки (поле ржаное) на его площади.

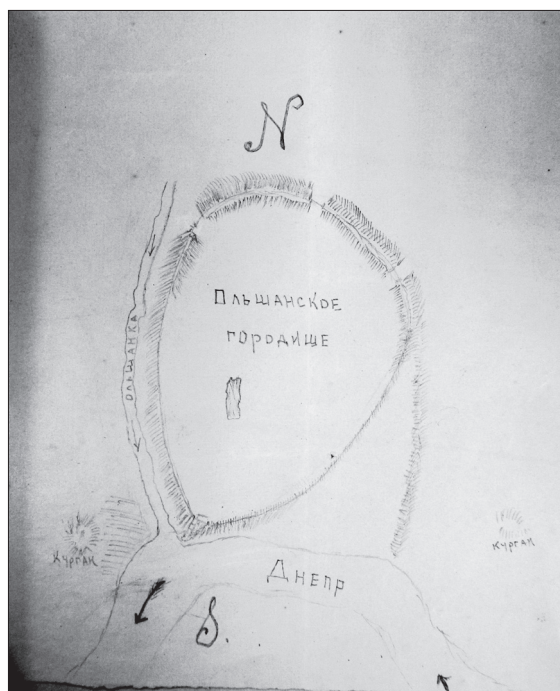
Ввиду позднего времени и скорого отхода последнего «самохода» на Смоленск пришлось на этом закончить осмотр и поторопиться на станцию, до которой отсюда почти 2 версты.

Неосмотренными остались еще дачные части могильника, а также вся его западная часть с Ольшанским [городищем], никогда еще никем не исследованным, и особыми группами курганов, которые требуют особой поездки, равно как и обследование «Змеиногострова», а также левобережного Гнездова, где производились раскопки мною в 1914 году и где тогда же отмечено несколько групп различного характера курганов (куполовидных, шатровых и плоских).

Но, во всяком случае, одни эти осмотры для приведения в известность наличности и состояния могильных насыпей этого единственного по своей величине и древности курганного поля России требуют:

1) Топографическая съемка могильника с нанесением на план всех курганов.

2) Немедленного доследования всех нарушенных и нарушаемых могильных насыпей.

План Ольшанского городища.

Карандашный рис. Е.Н. Клетновой.

ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 31

3) Исследования его западных групп и Ольшанского городища.

Е. Клетнова

Находки

на Ольшанском городище

На откосе: черепок черно-глиняного, облицованного желтым сосудом, хороший обжиг. Значительная примесь песка.

Тонкий красно-кирпичный обломок.

По валу: черепок толстый, черно-глиняный, крепкой обжиги, но грубой работы.

Черепок красно-глиняный; поверхность сглажена. Обжиги сильная.

Пряслица (половина) шиферная розовая с ребром посредине.

По площади несколько небольших кирпичных обломков. 3 черно- и 2 красноглиняных бережковых черепка; 1 очень грубый.

6 череп[ков] красно-глин[яных] сглаженных. 1 очень тонкий.

5 черепков серо-глиняных; из них 1 бережковый, 1 сглаженный, 2 грубых и на одном из них 2 пары линейного орнамента.

...черепка желто-глиняных; 2 из них сглаженные.

1 кирпичный обломок с белой облицовкой.

...обломка тонких черепковых белой глины.

1 черепочек черный, с толстой желтой облицовкой.

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 15-15 об., 16-16 об., 21-21 об.

IV.

Отчет о деятельности Археологического бюро при художественном подотделе Смоленской губернии

В Академию истории материальной культуры.

Согласно поданной в Смоленский подотдел Изобразительных искусств и музеев ученым-археологом Е.Н. Клетновой докладной записки о

настоятельной необходимости охраны и регистрации археологических памятников губернии, где, между прочим, находится один из величайших русских могильников Гнездово, было образовано, благодаря усердному содействию заведующего подотделом С.Д. Ширяева, Археологическое бюро, в составе трех лиц: Е.Н. Клетновой, И.Ф. Барщевского, Л.Я. Лавровского, каковое и начало свою деятельность с 7-го мая 1920 года и имело за год 11 заседаний. В 1-м заседании была рассмотрена и утверждена докладная записка Е.Н. Клетновой относительно ближайшей деятельности бюро.

Ввиду исключительного значения Гнездовского могильника и наблюдающихся там нарушений курганных насыпей постановлено нанять для охраны двух сторожей, что и было в ближайшее время исполнено Л.Я. Лавровским и Е.Н. Клетновой, выезжавшим на место для осмотра могильника и нарушенных курганов.

Таковые поездки в Гнездово для проверки целости могильника и деятельности сторожа, наконец, для специального обследования

ником из археологов не исследованного городища у реки Ольши в западной части могильника предпринимались вышепоименованными лицами 4 раза в течение лета.

Выяснив необходимость регистрации Гнёздовских курганов, бюро составило смету на производство топографической съёмки и нумерации оставшихся курганов, каковая смета передана подотделу для препровождения на утверждение в Академию истории материальной культуры. Но разрешение на эту работу и даже никакого ответа от Академии не воспоследовало.

Для регистрации имеющихся в губернии других археологических памятников была выработана анкета, каковую и решено разослать как отдельным лицам, так и уездному отделу народного образования. Однако это предначертание не было исполнено, так как, не имея в своём распоряжении ни денежных, ни рабочих средств, бюро не могло отпечатать и разослать анкет, а подотдел не был в состоянии это исполнить за неимением времени, за неоднократными переездами и даже, наконец, преобразованием, так как теперь он называется художественный подотдел и ведёт главным образом дела театральные.

Помимо охраны Гнёздова были приняты возможные меры также и охраны остатков развалин Борисоглебских храмов *на Смядыне* [так в тексте], для чего приглашено особое живущее вблизи их лицо с археологическим образованием.

Не могло быть также исполнено намерение бюро доследовать раскопками нарушенные могильные насыпи Гнёздова за неполучением открытого листа от Академии истории материальной культуры.

Точно также пришлось отказаться от неоднократных приглашений и даже требований различных организаций и уездов отдела народного образования от выезда для производства раскопок, так как бюро, не имея открытого листа, не считало себя вправе нарушать декрета республики, между тем просимый бюро открытый лист был

получен только лишь в октябре месяца, когда уже никакие раскопки *не мыслимы* [так в тексте].

Однако уездные организации и, между прочим, Ельнинский кружок, несмотря на категоричное запрещение Бюро производить самовольные раскопки, всё-таки произвело таковые, не дождавшись выезда специалиста.

Кроме непосредственно работы Бюро, члены его Л.А. Лавровский, профессор Смоленского политехникума по кафедре истории культуры, Клетнова, как профессор Смоленского УНО по кафедрам краеведения и истории первобытной культуры и профессора Смоленского государственного университета по кафедре археологии, И.Ф. Барщевский, как учёный хранитель Тенишевского музея, где им было прочитано ряд лекций по археологии и археографии, ставит себе постоянной и необходимой задачей проводить археологические сведения в широкие массы населения, воспитывая в них тем [самым] уважение к памятникам древности и тем содействуя их охране.

Точно так все означенные лица неоднократно выступали с... докладами археологического содержания в местном ученом обществе [изуче]ния Смоленской губернии.

Доводя до сведения Академии о своей деятельности, прилагая при сем протоколы своих заседаний, Бюро выражает свое горячее желание продолжать начатую работу, для чего считало бы необходимым:

1) Получить необходимые средства для регистрации и съёмки Гнёздовского могильника, этого единственного в своем роде грандиозного археологического памятника.

2) Иметь возможность получить для своих научных работ и справок издания:

а) Быв. Археологической комиссии.

б) Археографической комиссии (особенно летописи и акты, относящиеся до Западной России).

с) Те томы изданий Российской академии наук, которые заключа-

ют в себе археологические материалы.

3. Войти в непосредственное сношение с Академией истории материальной культуры.

Председатель Бюро
Члены: Л. Лавровский

[1921 г.]

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1-2.

V. Доклад Е.Н. Клетновой об устройстве на территории Гнёздовского могильника заповедника

Ввиду долженствующего последовать в ближайшее время отграничения территории Гнёздовского могильника и объявлении его «Заповедником», ближайшей задачей является план о дальнейшем его устройстве и приведении в надлежащий порядок этого драгоценнейшего памятника древности.

Первою задачею является: строгое его отграничение, хотя бы пока путем двойной опашки (борозда в борозду 2 плуга, что дает канавку с валиком) и установления на поворотах межевых знаков. Опашная канавка должна будет ежегодно подновляться, а межевые знаки строго поддерживаться.

Вторая задача. Приведение в известность всех наличных курганов и нанесение таковых на план по № и его категориям: 1) цельные курганы, 2) нарушенные курганы, 3) раскопанные курганы.

Третья задача. Очистка лесного могильника от всякого валежника и полома.

В дальнейшем желательным является получить какое-либо здание при могильнике, напр. хотя бы старую почтовую станцию для устройства местного музея. В этом музее должно быть сосредоточено:

1) Все, что может быть получено от раскопок в будущем.

2) Фотографии, рисунки и муляжи вещей прежних раскопок, находящихся в Петрогр. Эрмитаже, в

Московском Историческом музее, в Тенишевском музее и т.д.

3) Вся литература о Гнездовском могильнике.

4) Всякие случайные находки, в том числе и теперь находимые на поверхности курганов лесного могильника орнаментированные черепки от урн.

При музее желателен особый хранитель, коему должны быть подчинены и 2 сторожа могильника.

В таком виде Гнездовский могильник, один из величайших в России, явится образцовым, показательным памятником нашей седой древности как для научного его изучения, так и для проведения к нему экскурсий.

Предс. Бюро Е. Клетнова

Члены: И. Барщевский

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 148. Л. 1-1 об.

[1921 г.]

VI.

Доклад Е.Н. Клетновой об охране природы

Охрана памятников человеческой культуры неразрывно связана с памятниками природы. Вот почему Археологическое бюро считает себя не только вправе, но и ближайшей своей обязанностью сказать свое слово по поводу памятников природы всей губернии, но прежде всего гор. Смоленска.

Говорить об историческом значении этого древнейшего города Земли русской, говорить о нем, как об одном из красивейших городов, могущем соперничать с Киевом, Тифлисом и Кутаисом – не приходится, т.к. думается, это должно быть известно всякому, не только в нем живущему, но и бегло его проезжавшему. Между тем, что мы, его дети и граждане, делаем для его поддержания, для сохранения его красот, мало того, его экономического (фруктовые сады) и гигиенического (сады и отдельные деревья) благосостояния?

Каждое фруктовое дерево требует не только труда посадки, как каждая огородная овощ, но долготелетнего ухода и заботы. Между тем, сколько таких деревьев погублено... козами, животным очень полезным, однако по стоимости затратного труда вследствие разруш[ения] забор[ов] и изгородей совершенно не равноценным фрукт[овому] дереву. Коза выращивается в год, дерево требует нескольких десятилетий!

Однако в недавнее время это поистине варварское козопопустительство прекращено, хотя, конечно, погибших многих сотен деревьев теперь уже вернуть невозможно, и придется по крайней мере четверть века (!?!) потратить на их восстановление.

Но и теперь, опять те же козы, только косвенным образом являются сокрушителями садовых деревьев. Для них козовладельцы обрывают, обезображивают, обламывают, даже срубают безжалостно целые деревья. За неим[ением] пастбищ и возможн[остей] приобрести как бы то ни было корма.

Между тем каждое дерево в городе это те невидимые для нас легкие природы, которые облегчают нам самим наше дыхание, озонируют, очищают воздух, которым мы дышим.

Мало того, для гористого и обрывистого Смоленска деревья служат укрепителями этих гор и обрывов. С уничтожением скрепляющих обрывы деревьев надо ожидать оползней, размывов, обвалов, от которых не застрахованы даже и самые дома, в особенности, расположенные нередко над самыми их кручами.

Такие защитные деревья, нередко клены 70-80 лет, а равно и плодовые, вполне сознательно подкапываются, а затем, конечно, и сваливаются благодаря тому, что в центре города (!?!) допускаются устраивать «кариеры», т.е. брать песок. Подобное безобразие имеет место в 2-х местах, напр. на Б. Воскресенской улице и в одном пункте обрушивает не только

30-ти и 40-летний фрукт[овый] сад, но и грозит стоящему за ним дому, т.к. обнаженные слои валунных песков, их коих гл[авным] обр[азом] слагаются смоленские обрывы, очень быстро подвергаются размыву, в особенности, весенними водами, а также и летними ливнями.

Далее вредителями и губителями уже нарочито насаженных по улицам деревьев являются всякого рода «кавалеристы», как военные, так и деревенские, привязывающие лошадей к деревьям, которые иногда догола объедают над ними кору и, конечно, заставляют засыхать дерево. Такие примеры можно видеть решительно по всем улицам. Не избежали такого варварского отношения и дивные пирамидальные тополя, растущие у подъезда университета.

Следующими вредителями именно этих, сажанных деревьев, являются «телефонщики», безжалостно, а иногда совсем бессмысленно обсекающие не только ветки, но и ствол дерева. Их операции непременно следует до известной степени урегулировать, а привязывать лошадей к деревьям строжайше запретить.

Наконец, осенью по Смоленску появляются лица, долженствующие, по-видимому, подстригать все эти вдоль улиц посаженные деревья. Но эти «стригуны» не обрезают, а самым безобразным образом «комлатят» дерево, «зарезывают» его, т.к. стрижка производится не вовремя, т.е. не молодых побегов, а урезывается самый ствол дерева, попросту отсекается ему голова, вследствие чего дерево гибнет, дерево опять-таки на посадку, защиту и уход и выращивание коего потрачены и труд, и народные деньги. И этот вопрос необходимо урегулировать.

Так же точно надо окончательно воспретить всякого рода организациям, не говоря уже о частных лицах, уничтожение какой бы то ни было городской и пригородной растительности, как напр. это сделано 2 года тому назад с рощей

дивных лип и кленов за Молоховскими воротами. Роща эта всегда служила тeneвым убежищем для сельчан, приезжавших на базар, а срубленные вековые клены – этот чудесный столярный материал пошел попросту на топливо!

Убирать необходимо (а это далеко не всегда делается) засохшие деревья, т.к. они являются притягателями грозовых ударов.

Но каждое живое дерево города должно быть строго и всеми мерами охраняемо, ибо оно является украшением, оздоравливает воздух, защищает от пожара, дает тень и в жаркое время поддерживает влагу.

Между тем с деревьями, садами и фруктовиками Смоленска мы поступаем самым чудовищным образом: говорим о новых насаждениях и их необходимости и губим одновременно старые. Не есть ли это вопиющая и самая возмутительная бессмысленность?!

Какие же конкретные мероприятия можно было бы осуществить для пресечения всей этой злой бессмыслицы.

1. Заручившись разрешением властей, взять хотя бы Музейному управлению под охрану всю растительность и незастроенные места города.

2. Привлечь к активной работе лиц, сочувствующих этому делу, и даже целые организации, с правом привлекать к законной ответственности всех вредителей и нарушителей, выработанных по вопросу охраны обязательных постановлений, кои должны быть широко оповещены среди граждан путем расклейки объявлений.

3. Привлечь школьную молодежь, даже с самого раннего возраста а) к уходу и охране существующих насаждений, б) к созиданию новых.

Для ухода за существующими общестественными садами лучше всего поделить город на участки, даже улицы и создать особые организации. В праздничные дни или особо назначенные субботники устраивать школам под руководством сведущего лица уборку садо-

вых мест, обрезку деревьев (удаление сухих веток, очистку и т.д.).

[1921 г.]

Источник: ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 148. Л. 2-5.

VII.

Протокол собрания Смоленского археологического общества 15 сентября 1922 г.

Председательствует Е.Н. Клетнова.

Секретарь А. Серебренников.

Присутствуют: Агейчик, А.Н. Ляданский, С.А. Покровский, А.Ф. Палашенков, Тарасенко и С.Д. Ширяев.

Е.Н. Клетнова сообщает о том, что для экскурсионного бюро Смоленского университета в б. Болдинском монастыре предоставлен для экскурсионной базы флигель в несколько комнат, а в имении Алексинского – 2 комнаты, также для экскурсионного бюро.

С.Д. Ширяев сообщает, что в Алексинском помещается детский дом, который крайне губительно отражается на имении – дети все портят. После больших усилий С.Д. Ширяеву удалось добиться разрешения из Москвы о выселении детского дома. В настоящее время дом в Алексинском находится в ведении Музейного управления. Алексинское, а также Болдин и Вяземский монастыри признаны заповедными. Дом в Алексинском насчитывает 40-50 комнат. Необходимо его использовать. Музейное управление предполагает организовать в Алексинском Дом ученых для отдыха сотрудников университета и вообще научным силам.

Е.Н. Клетнова передает, что декан медфака д-р Дыхно, когда узнал о намерении Музейного управления о Доме ученых, пришел в восторг. Ректор университета В.К. Сержников также очень заинтересован этим вопросом.

С.Д. Ширяев сообщает, что предложено организовать в конце сентября экскурсию в Дорогобуж,

Болдин монастырь, Алексинское и пр., предлагает присоединиться к экскурсии желающих. Экскурсия продлится приблизительно 5 дней и обойдется каждому участнику в 12-15 миллионов руб.

Е.Н. Клетнова указывает, что желательно было бы, чтобы в экскурсии приняли участие представители университета, а также от губисполкома.

С.Д. Ширяев сообщает о том, что неделю тому назад в «Рабочем пути» было напечатано обязательное постановление о перерегистрации всех обществ.

Постановлено: поручить правлению принять меры к скорейшей перерегистрации о[бществ]а.

С.Д. Ширяев сообщает, что следующий археологический съезд предполагается организовать в Смоленске. Ввиду этого необходимо приступить к организации такового. Прежде всего выяснить вопрос о помещении, о продовольствии (на каких условиях), исходатайствовать субсидии от губисполкома, от университета. По выяснении условий необходимо снести с Московским археологическим обществом.

Поручено: правлению о[бществ]а начать организационные работы по созыву археологического съезда в Смоленске.

С.Д. Ширяев сообщает о том, что музейным работникам обещано в Москве выдать академический паек.

Ставится вопрос о выборе нового члена Н.А. Демуар (?). Поставлено поставить этот вопрос на повестку следующего собрания.

Источник: ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 45-46 об.

Примечания

1. Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX в.). М.: ИА РАН, 2011. С. 69.

2. Это учреждение также именовалось Общество любителей археологии, Общество исследователей Смоленского края.

- См.: Смоленский вестник. 1891. №39, 45; Ровинский К. Письмо в редакцию // Смоленский вестник. 1894. №149. С. 2.
3. Первоначально художественно-археологический подотдел был переименован в 1919 – первой половине 1920 г. в Смоленский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников и старины, с июня 1920 г. – художественный подотдел Отдела Народного образования. Подробнее см.: Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX в.). Смоленск, 2005. С. 134-161.
4. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 492.
5. Подробнее см.: Нефёдов В.С. Первая программа археологического изучения Смоленской губернии // КСИА. 2015. Вып. 141.
6. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1228. Л. 4.
7. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
8. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1285. Л. 17.
9. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 3.
10. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 4-5 об.
11. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
12. После революции в 1918 г. на основе Императорской археологической комиссии была создана Российская государственная археологическая комиссия. В 1919 г. она была преобразована в РАИМК, с 1926 г. ставшая «Государственной» (ГАИМК).
13. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27.1920. Л. 3 об.
14. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
15. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 5.
16. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 15-15 об.
17. В настоящее время находится на территории Угранского района Смоленской области.
18. Предположительно, деревня в совр. Глинковском районе Смоленской области.
19. Возможно, имеется в виду деревня в совр. Рославльском районе Смоленской области.
20. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.
21. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 11 об.
22. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 11, 17.
23. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.
24. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 1; ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 22.
25. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 11.
26. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 10.
27. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.
28. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.; ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.
29. Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX в.). Смоленск, 2005. С. 160.
30. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 3-4.
31. Членами общества, существовавшего с 1903 г., были известные ученые. Целью являлось исследование природы, экономики, сельского хозяйства Смоленской губернии.
32. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 13.
33. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 10-10 об.
34. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 16.
35. ГАСО. Р-19. Оп. 1. Д. 3551. Л. 21; Главнаука (с 1921 г.) – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями. Под её руководством объединялись (с 1925 г.) академии и учебные заведения, научно-исследовательские учреждения, музеи, краеведческие организации и другие учреждения культуры.
36. ГАСО. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 11.
37. ГАСО. Р-455. Оп. 1. Д. 36а. Л. 1.
38. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 36а. Л. 3.
39. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 21, 24.
40. Нефёдов В.С. Дневник раскопок В.И. Сизова в Смоленской губернии в 1881 г. // Археология Верхнего Поволжья / под ред. А.В. Кашкина. М., 2006. С. 274.
41. Смоленский вестник. 1880. №137, 138. С. 2-3.
42. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 21.
43. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 23.
44. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 25; ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 148. Л. 2-5.
45. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 27-28 об.
46. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 33.
47. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 32-32 об.
48. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 29-30 об.
49. Лявданский А.Н. К вопросу о составлении археологической карты // Смоленская новь. №3-4. С. 61-62.
50. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 34.
51. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 33.
52. Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX в.). Смоленск, 2005. С. 165-167.
53. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 31 об.
54. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 35-36.
55. Памятник около города Лудза в Латвии, представляющий собой древнее кладбище латгалов и ливов IX-X вв.
56. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 36.
57. Подробное описание слоёв см.: Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. №3-4. С. 52; Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск, 2002. С. 207.
58. Кенотаф – памятник в месте, которое не содержит останков покойного.
59. Вероятно, были раскопаны 4 кургана в Заольшанской и 1 – в Нивлянской группе. Первая группа из 100 курганов в 400 саж. отмечена Лявданским к западу от Ольшанского городища, а вторая из 20 курганов – на берегу р. Нивлянки.
- См.: Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 127-184. Карта / Табл. XXXII-XXXIII.
60. Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. №3-4. С. 54-56; Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск, 2002. С. 205.
61. Под Ольшанским городищем №2 следует понимать городище у д. Новые Батеки. Подробнее о результатах раскопок см.: Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. №3-4. С. 57; Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск, 2002. С. 209-213.
62. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 40-42 об.
63. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 43-43 об.
64. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 35а. Л. 44 об.
65. ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 35а. Л. 45-45 об.
66. ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 45-46.
67. Подробнее см.: Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // Российская археология. Вып. 4. 2008. С. 170-177.
68. В 2006 г. в России была возобновлена традиция проведения Всероссийских археологических съездов. Первый состоялся в Новосибирске, собравший более 350 участников из 80 учреждений 40 городов страны, и стал значительным событием в научной жизни России.
69. В августе 1922 г. Общество изучения Смоленской губернии было ликвидировано, так как не прошло перерегистрацию в двухнедельный срок.
70. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3109. Л. 33; ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3919. Л. 77.
71. Рабочий путь. 1923. №156. С. 3.
72. Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских Государственных музеев. Вып. 1. 1924 и др.
73. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 118. Л. 2-3.
74. А.Н. Лявданский с 1927 г. работал в Минске; В.Р. Тарасенко с 1929 г. – в Могилёве, репрессированный в 1933 г. А.Ф. Палашенков – в Омске. И.Ф. Барщевский, незаконно обвинённый в 1931 г. в краже культурных ценностей, в 1931 г. находился в заключении, а затем поступил на службу в Коломенский музей в Москве. Подробнее см.: Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок, музеев (конец XVIII – первая треть XX в.). Смоленск, 2005.
75. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 49.